

Взор

Государь
Михаил
Сергеевич

Максим Взор

Государь Михаил Сергеевич

«Автор»

2026

Взор М.

Государь Михаил Сергеевич / М. Взор — «Автор», 2026

Декабрь 1991 года. Бывший руководитель великой державы Михаил Горбатов находит странные карманные часы и случайно переносится в 1698 год — прямо в тело молодого Петра I. Вооружившись знаниями из будущего и искренним желанием избежать исторических ошибок, новый царь решает: никаких топоров, крови и резких рывков! Только диалог, толерантность, круглые столы и всеобщее согласование. Но история не терпит мягкотелости. Пока государь создаёт комиссии по изучению формы усов, флот строится исключительно на бумаге, а стрельцы возвращаются на службу по справкам от котов-собственников. Чиновники превращают гласность в поток доносов, свободу торговли — в продажу должностей, а идею частного партнёрства — в личную империю Александра Меншикова.

© Взор М., 2026

© Автор, 2026

Максим Взор

Государь Михаил Сергеевич

Глава 1. Последнее заседание

С резиденции снимали таблички.

Делали это без торжественности, но с необыкновенным усердием. Люди в серых рабочих халатах появлялись в коридорах один за другим, вооружённые отвёртками, плоскогубцами и бумагами с печатями. Они отвинчивали латунные буквы, складывали их в деревянные ящики и уносили куда-то вниз, словно демонтировали не названия учреждений, а саму память.

Утром исчезла табличка «Приёмная».

После обеда сняли «Отдел специальной связи».

К вечеру добрались до двери Михаила Сергеевича Горбатова.

Рабочий долго возился с верхним винтом. Табличка держалась крепко, будто не понимала, что страна, которой она принадлежала, больше не нуждалась ни в ней, ни в сидевшем за дверью человеке.

— Оставьте пока, — попросил Михаил Сергеевич.

Рабочий оглянулся на сопровождавшего его молодого чиновника.

Тот сверился с бумагой.

— По описи положено снять сегодня.

— Сегодня ещё не закончилось.

Чиновник посмотрел на часы.

— Осталось четыре часа семнадцать минут.

— Вот видите. Времени достаточно.

Рабочий пожал плечами и ушёл. Молодой чиновник задержался.

— Телефоны отключат в двадцать три ноль-ноль. Машина будет подана к центральному входу. Личные вещи желательно...

Он не договорил. Михаил Сергеевич смотрел на него с такой усталой доброжелательностью, что чиновнику стало неловко.

— Я понял, — сказал Горбатов. — Спасибо.

Дверь закрылась.

Кабинет уже казался чужим. Пустые книжные шкафы, светлые прямоугольники на стенах, следы от картинных рам. На длинном столе остались графин с водой, два стакана и красная папка, в которой не было ни одного документа.

Документы увезли ещё утром.

Михаил Сергеевич прошёлся по комнате. Он всегда любил ходить во время размышлений, заложив руку за борт пиджака. Раньше это производило впечатление. Теперь же ему самому казалось, что он придерживает сердце, чтобы оно не последовало за исчезнувшими табличками.

За окнами падал снег.

— Значит, вот так, — сказал он пустому кабинету. — Хотели обновить, ускорить, дать людям возможность... А получилось...

Договорить не удалось.

Слова, ещё недавно легко собиравшиеся в длинные, округлые фразы, теперь рассыпались. Некому было слушать, записывать и находить в них глубокий смысл. Стенографисток распустили, советников не пропускала охрана, а телефон молчал с таким достоинством, словно его отключили несколько лет назад.

На подоконнике стояла небольшая коробка.

Михаил Сергеевич не помнил, чтобы видел её прежде. Коробка была деревянной, потемневшей от времени. На крышке серебром изображался всадник, скачущий одновременно в две стороны. У коня было две головы, а у всадника — одно растерянное лицо.

Внутри лежали часы.

Большие, карманные, тяжёлые. Вместо цифр на циферблате шли годы: 1698, 1700, 1721, 1917, 1945, 1985, 1991. Между ними виднелись пустые деления.

Под крышкой была выгравирована надпись:

«Время исполняет не желания. Время исполняет сожаления».

— Философски, — произнёс Михаил Сергеевич.

Он вспомнил, откуда взялась коробка.

Лет пять назад во время поездки по стране к нему сумел пробиться пожилой часовщик. Охрана хотела оттеснить старика, но тот громко заявил, что изготовил механизм исторического значения.

— Эти часы возвращают человека туда, где он мог поступить иначе, — сказал часовщик.

Михаил Сергеевич тогда улыбнулся, пожал ему руку и велел помощнику принять подарок. Помощник, видимо, принял. Затем подарок потерялся среди сотен ваз, книг, картин, статуэток и макетов заводов.

Теперь часы тикали.

Хотя Михаил Сергеевич не заводил их.

Он нажал на головку. Крышка под циферблатом открылась, обнаружив второй круг. На нём была только одна стрелка и два слова: «ТУДА» и «ОБРАТНО».

— Интересная конструкция.

Стрелка дрогнула.

За дверью послышался металлический скрежет. Рабочие всё-таки вернулись за табличкой.

Михаил Сергеевич подошёл к окну. Внизу грузили ящики. Он подумал о людях, которым обещал обновление, о принятых наполовину решениях, о словах, опережавших поступки, и о поступках, неизменно запаздывавших.

— Мне бы начать раньше, — сказал он. — Намного раньше. Лет на триста. Уж тогда я провёл бы всё постепенно, без рывков. Объяснил бы. Убедил. Согласовал.

Часы в его руке щёлкнули.

Стрелка прыгнула к слову «ТУДА».

Кабинет вытянулся, будто отражение в кривом зеркале. Стены разошлись. Потолок взмыл вверх. Снег за окном остановился, и каждая снежинка превратилась в крохотную белую звезду.

Последнее, что услышал Михаил Сергеевич, был голос рабочего:

— Держи крепче! Сейчас отвалится!

То ли табличка, то ли эпоха действительно отвалилась.

Наступила темнота.

Глава 2. Утро государя

Первым вернулся запах.

Это был сложный запах, состоявший из дыма, воска, мокрой шерсти, кислой капусты, железа и чего-то такого, чему Михаил Сергеевич не сумел подобрать приличного названия.

Затем появились звуки: потрескивание дров, чьё-то тяжёлое дыхание, шорох ткани.

— Государь?

Михаил Сергеевич открыл глаза.

Над ним нависало бородатое лицо. Борода была такой густой, что человек вполне мог хранить в ней документы государственной важности.

— Государь, вам нездоровится?

Михаил Сергеевич попытался сесть и ударился коленями о край кровати. Ноги оказались непозволительно длинными. Руки — крупными, жилистыми, в царапинах. Волосы падали на лицо.

Он оглядел комнату.

Низкие своды. Деревянные лавки. Иконы. Медный таз. На полу валялся сапог необычайного размера.

— Где я?

Бородатый человек побледнел.

— В Преображенском, государь.

— В каком смысле?

— Во... во всяком смысле, государь.

Михаил Сергеевич спустил ноги с кровати. Пол будто находился дальше, чем полагалось. Он встал — и едва не коснулся головой балки.

Комната сразу стала маленькой.

— Зеркало, — приказал он.

Бородатый человек бросился к сундуку и достал серебряное зеркало. Михаил Сергеевич взглянул в него.

Оттуда смотрел молодой мужчина с длинным лицом, небольшими усами и тёмными глазами. Взгляд был тяжёлым, быстрым и совершенно не Горбатовским.

Михаил Сергеевич потрогал щёку.

Отражение повторило движение.

Он открыл рот.

Отражение тоже.

— Не может быть.

Бородатый человек упал на колени.

— Прости, государь! Не ведаю, что не может, но более не повторится!

— Встаньте. Кто вы?

— Ромодановский, государь.

Имя ударило сильнее, чем запах комнаты.

Михаил Сергеевич снова посмотрел в зеркало. Высокий рост, молодое лицо, Преображенское, Ромодановский...

— Какой сейчас год?

Ромодановский перестал дышать.

— Год?

— Год от Рождества Христова.

— Тысяча шестьсот девяносто восьмой.

Михаил Сергеевич медленно сел.

Часы с двумя стрелками лежали на его ладони. Теперь на циферблате светилось число 1698.

Сожаление исполнилось.

Неизвестно сколько времени он молчал. Ромодановский стоял перед ним, не решаясь ни уйти, ни приблизиться.

— Выходит, я Пётр Алексеевич?

Ромодановский перекрестился.

— А кто же ещё?

Михаил Сергеевич прошёлся по комнате. Шаги получались огромными. Тело двигалось стремительно, будто всю жизнь только и ждало, когда ему прикажут куда-нибудь бежать, что-нибудь рубить или кого-нибудь тащить на допрос.

1698 год.

Пётр вернулся из Великого посольства. Впереди были преобразования, новая система управления, флот, промышленность, календарь, новая столица. Впереди была возможность изменить страну.

И цена этих изменений.

— Спешил ты, Пётр Алексеевич, — пробормотал Горбатов отражению. — Очень спешил. А народ надо готовить. Объяснять надо. Нельзя же всё сверху, через колено.

— Через чьё колено? — осторожно спросил Ромодановский.

— Это образно.

— Чьё образно?

— Неважно.

Михаил Сергеевич ощутил необыкновенный подъём. История не просто дала ему второй шанс. Она вручила ему молодое тело, абсолютную власть и триста лет дополнительного времени.

Теперь он не станет торопиться.

Сначала выработает общую концепцию. Затем обсудит её с боярами, духовенством, купечеством и представителями народа. После этого создаст согласительную комиссию. Потом можно будет приступить к первому этапу подготовительного периода.

Главное — не допускать резких движений.

— Созовите бояр, — распорядился он.

Ромодановский прищурился.

— Всех?

— Всех.

— И что с ними сделать?

— Посоветоваться.

Князь молчал так долго, что в печи успело обвалиться полено.

— Государь, — наконец произнёс он, — ты точно посоветоваться желаешь?

— Именно.

— А после?

— Будем искать общее понимание.

Ромодановский снова перекрестился. Теперь медленно и тщательно.

— Исполню, государь.

У двери он обернулся.

— А топоры готовить?

— Никаких топоров.

Князь вышел.

Из коридора донёсся его хриплый шёпот:

— Царь занемог. Бояр зови. Лекаря тоже. И топоры всё-таки далеко не уноси.

Михаил Сергеевич подошёл к окну.

Над Преображенским поднимался рассвет. Дымили трубы, кричали петухи, на дороге ругались извозчики. Перед ним лежала страна, ещё не знавшая, что скоро начнёт обновляться спокойно, разумно и исключительно добровольно.

Михаил Сергеевич улыбнулся.

Ему казалось, что на этот раз всё получится.

Глава 3. Боярский круглый стол

Стол оказался прямоугольным.

Михаил Сергеевич обнаружил это за несколько минут до начала заседания и потребовал заменить его круглым.

Дворцовые служители пришли в ужас.

— Круглого такого размера нет, государь.

— Тогда поставьте несколько маленьких.

— Они разной высоты.

— Подровняйте.

— Ножки рубить?

Михаил Сергеевич поморщился.

— Почему обязательно рубить? Подложите что-нибудь.

Под ножки подложили летописи, церковные книги и две жалованные грамоты. Столы составили в подобие круга, но между ними остались щели. В одну из щелей вскоре провалился чернильный прибор.

Бояре прибывали настороженные.

Одни заранее прощались с семьями. Другие прятали деньги в сапоги. Третьи привели с собой священников. Все знали, что царь вернулся из-за границы с новыми идеями, а новые царские идеи обычно плохо отражались на старых боярских головах.

Ромодановский стоял у двери и мрачно оглядывал вошедших.

— Оружие сдавать? — спрашивали бояре.

— Нынче не велено.

Это пугало сильнее.

Михаил Сергеевич вошёл без церемоний и сел в центре составленного круга.

— Дорогие товарищи...

Бояре переглянулись.

— То есть соратники. Уважаемые участники нашего общего дела. Сегодня нам предстоит в спокойной, конструктивной обстановке обсудить дальнейшие направления развития государства.

Князь Троекуров поднял руку.

— Чего поднял? — рывкнул Ромодановский.

— Государь сказал обсуждать.

— Он ещё не сказал, что тебе можно.

— Можно, — заверил Михаил Сергеевич. — Мы должны привыкать к свободному обмену мнениями.

Троекуров встал.

— А свободный обмен — это новый налог или повинность?

— Это когда вы можете высказать своё мнение.

— Любое?

— В разумных пределах.

— А где пределы?

Михаил Сергеевич задумался.

— Пределы мы определим совместно.

— До или после того, как мнение выскажем?

Вопрос был правильный, но несвоевременный.

— Давайте сначала обсудим главное, — сказал государь. — Нужны ли стране преобразования?

Наступило молчание.

Бояре смотрели на Петра. Пётр смотрел на бояр. Ромодановский выразительно постукивал пальцем по рукояти ножа.

Наконец боярин Стрешнев осторожно произнёс:

— Если государь считает, что нужны, значит, нужны.

— А ваше собственное мнение?

— Моё собственное мнение состоит в том, что государь считает правильно.

— Но вы должны говорить искренне.

- Искренне говорю: правильно считает.
- А если я скажу, что преобразования не нужны?
- Тогда правильно считаете, что не нужны.
- А если нужны частично?
- Частично правильно считаете.

Михаил Сергеевич вздохнул.

Начало было трудным, но он не терял надежды. Людям требовалось время, чтобы научиться открыто выражать мысли.

— Хорошо. Возьмём конкретный вопрос. России необходимы новые школы, мануфактуры, корабли, дороги...

- По какому приказу дороги? — перебил дьяк Виниус. — По Ямскому или Земскому?
- По государственному.
- Такого приказа нет.
- Создадим.
- А к какому приказу приписать государственный приказ?
- Ни к какому. Он будет самостоятельным.

Виниус нахмурился.

— Тогда кто станет над ним главным?

Бояре оживились.

Выяснилось, что все поддерживали создание нового приказа при условии, что возглавят его лично. Спор быстро перешёл к местничеству. Долгорукие заявили, что должны сидеть выше Голицыных. Голицыны напомнили о родстве с древними князьями. Шереметевы потребовали принести разрядные книги. Троекуров сообщил, что вообще не понимает, почему сидит у щели между столами, тогда как его дед при прошлом государе сидел у окна.

— Мы собрались не места делить! — воскликнул Михаил Сергеевич.

— А чего же тогда стол круглый? — удивился Троекуров. — Чтобы места было не разобрать?

Совещание продолжалось шесть часов.

За это время участники договорились лишь о том, что стране, вероятно, нужны перемены, если они не затронут обычаи, доходы, положение, земли, бороды и привычный распорядок жизни присутствующих.

Под конец Михаил Сергеевич предложил создать комиссию.

Это слово боярам понравилось. Оно звучало по-иностранному, но не требовало немедленных поступков.

— Комиссия должна подготовить предложения по основным направлениям реформирования, — объяснил царь.

— Когда подготовить? — спросил Виниус.

— В разумный срок.

— А какой срок считать разумным?

— Пусть комиссия решит.

— Значит, сначала нужна комиссия по определению срока работы комиссии, — заключил дьяк.

— Разумно, — поддержал Троекуров. — А кто войдёт?

Начался новый спор.

К вечеру бояре разошлись довольные. Никого не били, бороды у всех остались на месте, а государь позволил им целый день говорить, не приняв ни одного решения.

Михаил Сергеевич тоже был доволен.

— Видишь, — сказал он Ромодановскому. — Первый шаг сделан. Люди почувствовали себя участниками процесса.

— Почувствовали, — согласился князь. — Троекуров уже унёс серебряную чернильницу.

Глава 4. Указ о подготовке указа

На следующий день Михаил Сергеевич решил, что преобразованиям требуется письменная основа.

Он уселся за стол, взял перо и написал:

«Об обновлении Российского государства».

Название выглядело внушительно. Дальше дело пошло хуже.

Первоначально государь хотел написать: «Повелеваем немедленно учредить школы». Но слово «повелеваем» показалось ему слишком жёстким, а «немедленно» — чрезмерно поспешным.

Он зачеркнул строку.

Получилось:

«Предлагаем рассмотреть возможность учреждения школ».

Однако «учреждение» могло встревожить сторонников старинного домашнего обучения. Михаил Сергеевич добавил:

«...при сохранении лучших традиций прежнего порядка».

Возникал вопрос, какие традиции считать лучшими. Чтобы не навязывать ответ, он написал:

«...определяемых на местах с учётом сложившихся особенностей».

Теперь следовало упомянуть сроки:

«Приступить по мере готовности, не допуская необоснованного промедления и неоправданной поспешности».

Государь перечитал написанное. Фраза звучала мудро и позволяла одновременно начать, не начинать, продолжить и прекратить любое дело.

К полудню был готов весь указ.

Он предписывал обновлять страну без нарушения её устоев, развивать торговлю без ущерба существующим ограничениям, увеличивать доходы казны без повышения сборов, строить корабли по возможности и распространять знания в пределах разумного.

Михаил Сергеевич вызвал думного дьяка Автамона Иванова.

Иванов читал долго. Губы его беззвучно шевелились. Дойдя до конца, он вернулся к началу, затем перечитал середину.

— Ну как? — спросил государь.

— Глубоко.

— Вам всё понятно?

— Потому и глубоко, что не всё.

— Главное — передать общий дух преобразований.

— А исполнять как?

— Творчески.

Дьяк просиял.

— Так бы сразу и написать.

Через три дня указ размножили и разослали по приказам, уездам и воеводствам.

Результаты превзошли ожидания.

В Ярославле воевода объявил открытие школы, но учеников в неё не пустил, поскольку помещение ещё не было готово. В Калуге школу открыли только для детей, уже умеющих читать и писать. В Туле решили сохранить лучшие традиции прежнего порядка и постановили, что отсутствие школы является особой местной формой образования.

Казанский воевода доложил, что преобразования завершены успешно, так как приказ был торжественно прочитан на площади.

Из Пскова сообщили, что приступить к обновлению невозможно из-за опасности неоправданной поспешности.

Из Архангельска пришёл запрос: относится ли строительство кораблей к развитию торговли или к сохранению устоев? Пока ждали ответа, заготовленный лес продали иностранным купцам.

Приказные дьяки тоже быстро приспособились.

В каждом приказе появились толкователи нового указа. За небольшую плату они выдавали справки о том, что проситель уже достаточно обновился и может продолжать жить по-старому. За большую плату подтверждали, что его сосед, напротив, препятствует преобразованиям.

— Вот видите, — сказал Михаил Сергеевич, рассматривая первые отчёты. — Процесс пошёл.

— Куда? — поинтересовался Ромодановский.

— Вширь.

— Это заметно. Бумаги уже в сундуки не лезут.

Князь положил перед государем два документа.

Первый сообщал, что воевода Ржевский, выполняя указ о развитии торговли, отменил таможенные сборы.

Второй утверждал, что тот же воевода, сохраняя государственные устои, увеличил таможенные сборы вдвое.

— Как он мог одновременно отменить и увеличить один сбор?

— Легко. Отменил старый, ввёл новый.

— А новый чем отличается?

— Названием.

Михаил Сергеевич задумался. Конечно, имелись отдельные недостатки. Но это было естественно для переходного периода.

— Нужно разъяснение.

— К указу?

— Да.

— А если разъяснение тоже не поймут?

— Выпустим дополнительное разъяснение.

Ромодановский молча посмотрел на шкафы, уже забитые бумагами.

Через месяц при государе действовали Комиссия по толкованию указа, Палата по разъяснению толкований и Особое присутствие по рассмотрению разногласий между Палатой и Комиссией.

Страна ещё не изменилась.

Зато теперь у неё имелись учреждения, способные подробно объяснить почему.

Глава 5. Гласность по-дворцовому

— Люди должны говорить правду, — заявил Михаил Сергеевич.

— Кому? — спросил Меншиков.

Это был молодой, быстрый и обаятельный человек, умевший войти в любую дверь и выйти из неё с вещами хозяина.

— Государю.

— Зачем?

— Чтобы государь знал, чем живёт народ.

Меншиков подумал.

— Государь может огорчиться.

— Ничего. Открытость необходима. Поставьте во дворце ящик для обращений.

— Какой величины?

— Обычный.

На следующее утро перед дворцом лежала гора бумаг. Ящик исчез под ней целиком.

Первые обращения были сравнительно понятными.

Крестьянин жаловался на помещика.

Помещик жаловался на крестьян.

Жена купца жаловалась на мужа.

Купец жаловался, что жена читает его бумаги.

После этого начиналось сложное.

Неизвестный доброжелатель сообщал, что дьяк Сысоев не верит в преобразования, потому что однажды назвал царский указ «длинноватым». Сам Сысоев доносил, что его сосед слишком громко хвалит преобразования и, следовательно, что-то скрывает. Сосед обвинял Сысоева в использовании казённых чернил для личной переписки.

Один проситель требовал назначить его воеводой как самого честного человека в уезде. К просьбе прилагался список из сорока семи менее честных людей.

Другой сообщал, что умеет превращать болотную воду в золото, если казна выдаст ему сто рублей на опыты и не станет спрашивать о результатах ближайшие двадцать лет.

— Прекрасно, — сказал Михаил Сергеевич, просматривая бумаги. — Люди поверили, что их услышат.

— А мы их услышим? — спросил Меншиков.

— Обязательно.

— Всех?

Государь посмотрел на гору обращений. Слуги продолжали вносить новые мешки.

— Поэтапно.

Для разбора писем учредили Особый приказ народных обращений. Через неделю в нём служили двести человек. Через месяц — восемьсот.

Чиновники сортировали письма по темам: полезные предложения, земельные тяжбы, семейные жалобы, обвинения в колдовстве, просьбы о должностях и обращения, смысл которых установить не удалось.

Последняя категория оказалась самой большой.

Но одной возможности обратиться к государю было недостаточно. Михаил Сергеевич хотел, чтобы люди узнавали о происходящем.

— Нужна газета, — решил он.

— Это что? — спросил печатник.

— Лист с новостями.

— Какими новостями?

— Правдивыми.

Печатник заметно помрачнел.

Первый выпуск назывался «Ведомости обновления». На первой странице сообщалось об успехах школьного дела. На второй — о росте торговли. На третьей был напечатан царский указ.

Наборщики быстро обнаружили, что свободное место в газете можно продавать.

Во втором выпуске рядом с известием о новых мануфактурах появилось объявление:

«Продаётся жеребец, праву государственного, ест много, работает по обещанию».

В третьем купец Щукин объявил себя главным сторонником обновления. Купец Карасьев заплатил наборщику вдвое больше, и в следующем номере появилась заметка о том, что Щукин тайно препятствует прогрессу.

Вскоре каждый экземпляр газеты содержал собственные новости. Всё зависело от того, кто успевал заплатить наборщикам перед печатью.

Михаилу Сергеевичу принесли два выпуска с одной датой.

В первом утверждалось, что урожай необычайно богат.

Во втором — что необычайно беден.

— Как это понимать?

Меншиков внимательно изучил оба листка.

— Очень богатый урожай оказался у тех, кто писал первую заметку. Очень бедный — у тех, кто писал вторую.

— А где истина?

— Посередине.

— Значит, урожай средний?

— Нет. Посередине реклама сапог.

Государь распорядился следить за достоверностью известий. Для этого создали Наблюдательный совет печатного двора. Совет запретил неподтверждённые сообщения.

На следующий день «Ведомости» вышли почти пустыми.

На первой странице была напечатана одна фраза:

«Вчера в Москве наблюдалась погода».

Даже эту новость вскоре оспорили жители дальних слобод.

Глава 6. Трезвый двор

Проблему Михаил Сергеевич обнаружил случайно.

Утром он вошёл в переднюю палату и увидел под столом боярина Троекурова. Тот лежал на ковре, обняв медный кувшин.

— Что с ним?

— Отдыхает, — объяснил Меншиков.

— Под столом?

— Утомился наверху.

Во второй палате спали ещё трое. В третьей князь Голицын доказывал деревянному столбу необходимость развития морской торговли. Столб не возражал, и беседа шла успешно.

Михаил Сергеевич пришёл в ужас.

— Так нельзя. Стране нужны здоровые, деятельные люди.

— Нужны, — согласился Меншиков.

— Пьянство разрушает государство.

— Разрушает.

— Следует закрыть питейные заведения.

Улыбка исчезла с лица Меншикова.

— Все?

— Для начала казённые.

— Государь, казна с них доход получает.

— Здоровье народа дороже.

— Насколько дороже?

— Нельзя всё измерять деньгами.

Меншиков посмотрел так, словно услышал крайне опасную мысль.

К вечеру появился указ о закрытии царёвых кабаков. Михаил Сергеевич ожидал благодарности от населения.

Население отреагировало иначе.

У закрытых заведений собрались толпы. Люди читали указ, спорили и требовали объяснить, почему государь лишает их старинного права отдавать казне последние деньги.

К утру в Москве возникли тайные питейные дома.

Напитки продавали в банях, амбарах, сапожных мастерских и на колокольнях. Один предприимчивый торговец разливал их в полые иконные оклады. Другой устроил лавку, где покупатель приобретал дорогой огурец и получал к нему бесплатную чарку.

Меншиков явился к государю через неделю.

— Положение трудное.

— Народ сопротивляется?

— Народ приспосабливается. Казна сопротивляется. Денег нет.

— Но люди стали меньше пить?

— По отчётам — совсем перестали.

— Вот видите!

— Только драки почему-то участились вдвое.

Оказалось, что закрытие кабаков уничтожило контроль над торговлей, но не саму торговлю. Подпольные напитки были крепче, дороже и опаснее прежних.

Михаил Сергеевич решил смягчить преобразование.

Пить разрешили по особым карточкам. Карточки выдавали взрослым мужчинам при наличии справки от священника, лекаря и местного старосты.

Через три дня на московских рынках продавались поддельные карточки. Через пять дней появились поддельные справки. Через неделю Меншиков предложил казне самой печатать дополнительные карточки и продавать их оптом.

— Это же обход указа!

— Не обход, государь. Гибкое исполнение.

— Вы наживаетесь на государственной кампании.

Меншиков приложил руку к сердцу.

— Никак нет. Я помогаю частной инициативе удовлетворять временно не обеспеченный спрос.

Выражение понравилось Михаилу Сергеевичу своей основательностью.

— Но действовать надо законно.

— Потому и пришёл. Прошу разрешить мне учредить Товарищество трезвых напитков.

— Что оно будет продавать?

— Напитки.

— Какие?

— Трезвые по документам.

В тот же вечер государю подали квас нового товарищества. После первого ковша Михаил Сергеевич почувствовал тепло. После второго ему захотелось обратиться к народу. После третьего он произнёс сорокаминутную речь перед сундуком, который принял за боярское собрание.

Наутро голова болела так, словно внутри неё заседала комиссия по кузнечному делу.

На столе лежал отчёт.

Согласно отчёту, кампания проходила успешно. Число официальных питейных заведений сократилось до нуля. Доходы частного Товарищества трезвых напитков выросли в сорок раз. Население единодушно поддерживало здоровый образ жизни, особенно после захода солнца.

Михаил Сергеевич подписал отчёт.

Затем вызвал Меншикова.

— Александр Данилович, а не найдётся ли ещё того квасу?

Меншиков улыбнулся.

— Для государя найдётся всё.

Глава 7. Посол с холодной улыбкой

Шведского посланника звали барон Эрик фон Шталь.

Он был худ, безупречно одет и улыбался так, словно заранее знал ответ на любой вопрос, но считал невежливым сообщать его собеседнику.

Посланник прибыл выяснить, что происходит в России после возвращения царя из Европы.

Сведения поступали противоречивые.

Одни говорили, что русский государь собирается полностью переделать страну. Другие утверждали, что он создаёт комиссии. Третьи сообщали, что в Москве запрещено пить, но разрешено торговать документами, подтверждающими трезвость.

Барона приняли в новой палате, украшенной по европейскому образцу. Стены закрывали голландские картины, мебель привезли из Англии, а пол устилали русские ковры, потому что по европейскому паркету бояре скользили и падали.

Михаил Сергеевич вошёл в тёмно-зелёном кафтане.

— Приветствую вас. Надеюсь, ваше пребывание будет способствовать развитию взаимопонимания.

Переводчик задумался. Для слова «взаимопонимание» подходящего выражения он не нашёл и перевёл:

— Царь надеется, что вы поймёте друг друга взаимно.

— Именно, — сказал Михаил Сергеевич.

Барон поклонился.

— Его величество желает знать, как русский государь смотрит на будущее отношений между нашими державами.

— Положительно.

— В каком смысле?

— В конструктивном. Мы выступаем за мир, сотрудничество и постепенное снижение напряжённости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.